

ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА АРХЕТИПИЧЕСКИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ СКАЗОЧНЫХ ОБРАЗОВ (СЮЖЕТ АТУ 480 В «ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ»)

© Ирина Зайцева

ARCHETYPAL COMPONENTS' ANALYSIS OF FAIRY-TALE IMAGES (PLOT ATU 480 В "VASILISA THE BEAUTIFUL")

Irina Zaitseva

The article analyzes archetypal components of folk tale female characters. Within the framework of well-known archetype theories, there are no archetypal models and images of female characters at large. The article proposes a model for analyzing archetypal images based on a specific folklore material. The object of the analysis is the fairy-tale plot of ATU 480 В "Vasilisa the Beautiful" as the most representative one for describing four female images from folk ideas about age-related affiliation and about the opposition "ours/theirs". Our purpose is to analyze and systematize female archetypal images based on one plot. To this end, we describe the existing theories of archetypes, as well as the basic dominants in the construction of fairy tale characters. Of these dominants, an actual embodiment scheme of a fairy tale female character, its characteristic features, models of behavior and the attitude of the audience is formed. This analysis allows us to make conclusions about the dependence of the plot structure construction on the quality and number of the described typical images, as well as on the nature and formation of stable cultural and behavioral patterns associated in particular with the rite of female initiation reflected in folklore. In the future, similar research work, based on different cultures, will identify not only genuine archetypal parts in the images of the characters, but also highlight cultural characteristic features of female images associated with national specifics.

Keywords: fairy tale, Vasilisa the Beautiful, archetypes, heroine, female character, folklore

Статья посвящена анализу архетипических составляющих героинь народных сказок. В рамках известных теорий архетипов отсутствуют архетипические модели и образы непосредственно женских персонажей. В статье предлагается модель анализа архетипических образов, основанная на конкретном фольклорном материале. Объектом анализа послужил сказочный сюжет АТУ 480 В «Василиса Прекрасная» как наиболее репрезентативный для описания четырех женских образов, выводимых из народных представлений о возрастной принадлежности и об оппозиции «свой/чужой». Целью является проведение анализа и систематизации женских архетипических образов на примере одного сюжета. Для этого описаны существующие теории архетипов, а также выделены базовые доминанты в построении персонажей волшебных сказок. Из этих доминант складывается схема фактического воплощения женского персонажа в сказке, его характеристик, моделей поведения и отношения к нему аудитории. Подобный анализ позволяет сделать выводы о зависимости построения структуры сюжета от качества и количества описанных типических образов, а также о характере и формировании устойчивых культурных и поведенческих паттернов, связанных, в частности, с обрядом женской инициации и нашедших свое отражение в фольклоре. В перспективе аналогичная работа, проведенная на материале разных культур, позволит не только выявить подлинно архетипические части в образах персонажей, но и ярче обозначить культурные особенности женских образов, связанных с национальной спецификой.

Ключевые слова: волшебная сказка, Василиса Прекрасная, архетипы, героиня, женский персонаж, фольклор

Для цитирования: Зайцева И. Проблема анализа архетипических составляющих сказочных образов (сюжет АТУ 480 В «Василиса Прекрасная») // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 3 (81). С. 125–132. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-125-132

Обращение к проблеме анализа архетипических составляющих мотивов и образов традиционных народных сказок, зафиксированных собирателями XIX–XX вв., продиктовано непреходящим интересом к этой теме в разных областях знания, как в психологии и антропологии, так и в филологии и искусствоведении.

В материале, представленном в сказке, типические образы всегда специфически окрашены, что связано с этнокультурным, социальным, возрастным и временным компонентами, которые неизменно вносит рассказчик, будучи представителем той или иной эпохи и социально-возрастной группы. Тем не менее, используя этот материал и опираясь на теоретические работы в области архетипов, мы делаем попытку за этой этнокультурной и социокультурной спецификой разглядеть и описать универсальную и сохраняющую свою актуальность сквозь время семантику женских образов.

В активное употребление термин «архетип» ввел психоаналитик К. Г. Юнг, подразумевая под ним базовые модели человеческой психики, доступные исследователю в форме языковых метафор, религиозных символов, образов сновидений, мотивов традиционного фольклора, произведений авторского творчества: «В бессознательной психике должны присутствовать „мифообразующие“ структурные элементы. Эти продукты никогда (или, по крайней мере, крайне редко) не являются оформленными мифами, скорее это мифологические компоненты, которые ввиду их типической природы мы можем назвать „мотивами“, „первообразами“, „типами“ или – как назвал их я – архетипами» [1, с. 88].

К. Г. Юнг отмечал, что символы, характерные для разных культур, часто обнаруживают сходство, которое проистекает из того, что они восходят к архетипам, общим для всего человечества. Вместе с тем конкретная образная реализация архетипа зависит от вторичных факторов, к которым можно отнести, с одной стороны, индивидуальное мировоззрение и личный опыт человека, а с другой стороны, паттерны культуры, к которой он принадлежит.

На сегодняшний день существует несколько попыток построить типологии архетипических образов.

К. Г. Юнг использует в своих трудах следующие термины: анима/анимус-материя, герой, персона, демон-тень, мудрый старец-дух [2]. Система архетипов им только намечена, но видно, что основное внимание уделяется тем архетипам, которые соответствуют ступеням индивидуации и непосредственно связаны с этим процессом.

Помимо архетипов личности К. Г. Юнг выделял и другие архетипы, такие как трикстер, божественный ребенок, мать и дочь [1]. Из женских архетипов он описал только три полноценных архетипических образа – Деметры, Кору-Персефоны, Гекаты. Они представлены им как воплощение единого женского образа, где Деметра – это ипостась матери, Кора – дочери, Геката – темной женской стороны, олицетворяющей тайны женской природы, связь с лунными циклами и ритуалами жизни и смерти [Там же].

Мать и дочь представляют собой смену поколений. Таким путем реализуется возможность достижения бессмертия. Это происходит потому, что «по принципу партиципации душа ребенка участвует в душе матери и наоборот, таким образом, что молодость, слабость и другие подобные свойства ребенка дополняют старость и мудрость матери» [3, с. 68]. Следовательно, власть времени над человеком условным образом преодолевается, «единичное сознание и отдельная судьба поднимаются до некоего архетипа женской судьбы и до „бессмертия“» [Там же]. Образы матери и дочери всегда состоят в паре, отражая позиции сильного и слабого, старшего и младшего, «каждая мать содержит в себе свою дочь, а каждая дочь – свою мать» [1, с. 184]. Из этого вытекает идея, будто женщина простирается над поколениями, поскольку она одновременно живет и как мать, и как дочь.

О связи матери и дочери и об их тождественности писал и Дж. Фрэзер, он опирался на мифы о Деметре и Персефоне и анализировал обряды, связанные с культом плодородия и сбора урожая: «В великом святилище в Элевсине к ним обеим без особого различения их индивидуальных свойств и атрибутов постоянно применяли титул „две богини“, как будто они обе являются воплощением некоей единой божественной субстанции» [4, с. 426–427].

К трем женским архетипам К. Г. Юнга будет близок реализующийся также в трех ипостасях архетип Великой Матери Земли (Великой Богини Матери), который выделяется М. Гимбутас, а вслед за ней и Дж. Кэмпбеллом. У М. Гимбутас это богиня-дарительница жизни, богиня-смерть, богиня смерти и возрождения [5, с. 244]. Согласно Дж. Кэмпбеллу у богини следующие функции: «1) дарить нам жизнь, 2) принимать нас в смерти и 3) вдохновлять нас <...>, побуждать к творчеству» [6, с. 86]. Намеченную К. Г. Юнгом линию систематизации архетипов на основе греческого божественного пантеона продолжает также книга Д. Ш. Болен «Богини в каждой женщине: новая психология женщины. Архетипы богинь» [7].

Прикладной характер носит система из двенадцати архетипов, предложенная К. Пирсон в работе «Пробуждение внутреннего героя: 12 архетипов, которые помогут раскрыть свою личность и найти путь» [8]. Опираясь на модели К. Г. Юнга, Дж. Хиллмана, Дж. Кэмпбелла, исследовательница анализирует роли стереотипных «характеров» в персональной коммуникации и организации сюжетов англо-американской новеллистики [9].

Рассмотренные выше классификации архетипических образов исходят из презумпции единства человеческой психики и значения архетипических образов вне зависимости от места и времени воплощения универсальных паттернов. Однако в распоряжении фольклористики мы имеем поздние и локализованные, обладающие этнокультурной и социокультурной (носители-крестьяне, рассказчики мужчины и женщины...) спецификой записи. Очевидно, что в рамках специальных фольклористических исследований простое наложение популярных психологических классификаций женских архетипов приводит к предельно обобщенным [10] либо идеологически ангажированным [11], [12] выводам.

Солидаризуясь с Е. М. Мелетинским в том, что «собственно сказочная семантика может быть интерпретирована только исходя из мифологических истоков» [3, с. 310], мы в данной статье имеем своей целью ограничить исследовательское поле в жанровом и этнокультурном плане, с тем чтобы выявить и систематизировать женские архетипические образы на примере одного репрезентативного сюжетного типа русских волшебных сказок.

В качестве материала для анализа нами выбран сюжет АТУ 480 В «Василиса Прекрасная» как наиболее полно отразивший основные женские архетипические образы. Этот сюжет уже привлекал внимание исследователей в аспектах отражения в нем обрядов инициации, отлучения от матери и др. [13], [14], [15], [16].

В данной статье мы ставим перед собой еще не решенную в фольклористике задачу – выявить соответствия между универсальной психолого-антропологической типологией женских архетипических образов и эмпирически установленными социокультурными доминантами русских волшебных сказок.

Итак, под архетипом мы будем понимать универсальные модели, базовые первичные образы которых отразились в культуре в самых простых формах персонажей и их поведения. Такой архетипический образ непременно воплощается как в современных реалиях, так и в глубокой древности, в архаичных культурах с прими-

тивными моделями поведения и простейшими верованиями. В связи с этим целесообразным представляется опора в поиске базовых образов (архетипов) на материал, сохранивший черты архаичных культов и базовых образов и моделей. Архетипический образ, согласно определению архетипа, должен быть максимально прост и универсален, чтобы не только сохраняться в архаичных культурах, но и переходить в современность.

Вслед за предыдущими исследователями мы обратимся к сказочным сюжетам, потому что сказка прямо зависима от мифа («То, что в современной европейской сказке переосмыслено, здесь часто содержится в своем исконном виде. Таким образом, мифы часто дают ключ к пониманию сказки» [17, с. 48]) и сохраняет черты древних обрядов и социальных отношений. Появление у сказочного сюжета только лишь художественной функции связано с исчезновением создавшего его социально-бытового и религиозного строя. Этот процесс начинается с «открепления сюжета и акта рассказывания от ритуала» [Там же, с. 568]. После освобождения от первичных религиозных условностей сказка в большей степени развивает свою художественную составляющую и отражает отношения в рамках социальной системы.

Помимо инициации, на которой строится структура волшебной сказки, для сказки важен семейно-возрастной статус героев. Указания на социальные роли также присутствуют в сказках, однако они, как правило, маркируют завершение инициации и переход персонажа в новое качество и статус: был простолюдин, женился – стал царем.

В качестве материала, в котором представлены четыре базовых женских архетипа, нами выбран сюжет волшебной сказки АТУ 480 В «Василиса Прекрасная».

Обратившись к материалу народной волшебной сказки, мы обнаруживаем две центральные линии в распределении архетипических образов: условный возрастной статус персонажа (молодой/старый) и его принадлежность к своим или чужим в парадигме мировоззрения рассказчика.

В соответствии с указанными линиями происходит выделение следующих женских образов волшебной сказки с центральным женским персонажем:

- ребенок, дочь, девушка – свой, молодой;
- мать, жена – свой, старый;
- мачеха, ведьма, жена-ведьма, неверная жена – чужой, старый (если перед нами архаичный конфликт жен), чужой, молодой (если перед нами конфликт мачеха/падчерица);

• волшебница, Яга, старушка-помощница – чужой, старый.

В сюжете АТУ 480 В образ главной героини соответствует архетипу девушки по отношению к ее готовности вступить в брак или дочери по отношению к конфликту с мачехой и сюжетной линии с собственной матерью. Это образ соотносится с векторами «свой» и «молодой». Героиня наделяется всеми положительными характеристиками персонажа («первая на все село красавица» [18, с. 123]), на стороне которого находятся симпатии рассказчика. Она почтительно относится к Яге, хотя и боится ее («Василиса дрожала со страху», «низко поклонясь, сказала» [Там же, с. 125]). Но это ритуальный страх – незаменимой атрибут инициации девушки. «В ритуале посвящения преодоление страха перед неизвестностью/смертью/болью – важнейший этап испытания и становления героя» [19, с. 670]. Во второй части сказки после расправы над сестрами особо подчеркивается ее трудолюбие («скучно мне сидеть без дела», «работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая» [18, с. 127]).

Василисе предстоит пройти путь женской инициации, вехами которого являются отлучение от матери, реализующееся через смерть последней; конфликт с мачехой, завершающийся изгнанием; прохождение испытаний в ином мире; получение приданого от иномирного покровителя; месть мачехе и ее дочерям; брак. Однако этот сюжет отражает не совсем типичную ситуацию инициации девушки во взрослую жизнь и брак, так как, по мнению А. Худзиньска-Паркосадзе, это «инициация в ведьмы» [16, с. 99]. В результате эта инициация может определяться не как обычная для всех девушек социально-возрастная, а как «мистическая и гносеологическая» [Там же, с. 101].

Архетипический образ матери, соответствующий аспектам «свой» и «старый», обычно опущенный в большинстве сюжетов с конфликтом мачеха/падчерица (напр.: АТУ 510 А «Золушка»), в этой сказке реализуется посредством куколки, которую мать, умирая, оставляет дочери в виде своего благословения. Именно эта куколка выполняет поручения мачехи и бабы Яги, а также утешает Василису и дает советы в ее трудной жизни.

Образ родной матери в народных волшебных сказках либо не раскрывается совершенно (напр.: АТУ 432 «Финист ясный сокол»), либо описывается как образ доброй женщины, которая умерла (АТУ 480 «Мачеха и падчерица», АТУ 510 А «Золушка»), либо это сходный с ним по положению несчастного персонажа образ жены в сюже-

тах об оклеветанной и изгнанной жене (АТУ 706 «Безручка»). Таким образом, мать или жена в таких сюжетах, как правило, страдает, но продолжает любить своих детей и заботиться о них, даже после своей смерти. В данном сюжете материнская забота о ребенке реализуется через образ волшебной куколки, которая помогает Василисе. А, например, в сюжете АТУ 511 «Хаврошечка» – через образ коровы, которая также выполняет все поручения, данные героине. Неслучаен здесь образ коровы-помощницы. А. М. Смирнов-Кутаческий отмечает, что в этом сюжете образ коровы – это образ матери героини, питающей ее. Но потом мачеха убивает корову. Далее этот образ трансформируется в тотем-покровитель, который помогает героине. А позднее он «станет символом высших предначертаний» [20, с. 53].

Негативный аспект женщины, раскрывающийся по векторам «чужой» и «старый», реализуется через образ мачехи. Мачеха, будучи второй женой, притесняет и угнетает падчерицу, та становится в доме в положение покорной рабыни. Для героини это тоже испытание в рамках инициации – испытание ее смирения и почитания старших. В анализируемом сюжете мачеха наделяется всеми присущими ее сказочному образу отрицательными характеристиками и соответствующим поведением. Она завидует красоте, доброте и трудолюбию падчерицы, которая выгодно смотрится на фоне ее собственных дочерей, некрасивых и злых («мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости» [18, с. 123]). Мачеха и ее дочери стремятся унизить Василису и избавиться от нее, заставляя ту отправиться к бабе Яге.

Четвертый архетипический женский образ данного сюжета находится также на векторах «старый» и «чужой» – это образ бабы Яги. Старая она ввиду возраста и своего положения мертвеца. Этот персонаж находится на границе мира живых и мира мертвых либо непосредственно в мире мертвых, поэтому она иномирный помощник, а значит, чужая.

В других сюжетах о мачехе и падчерице, где родная дочь мачехи также отправляется в иной мир, чтобы получить приданое (АТУ 480 «Морозко» / «Госпожа Метелица»), лучше видна справедливость к девушкам и требовательность к исполнению правил и поручений, данных им. Иномирное существо здесь может воплощать в себе культ почитания умерших предков, которые достойно награждают за почтительность и карают за пренебрежение.

Несмотря на то что и мачеха, и Яга обе находятся на полюсах «старый» и «чужой», для анализа их образов важен третий вектор «вред/благо

по отношению к главному герою». Рассмотрим этот дополнительный вектор в других сказках. В сюжете ATU 410 «Спящая красавица» также можно выделить четыре женских персонажа: мать, которая, как правило, жива; главная героиня; добрая колдунья и злая колдунья. Обе колдуньи, будучи в основе ипостасями иномирного помощника (Яги, Гекаты согласно К. Г. Юнгу), здесь становятся на разные полюса (позитивный и негативный) по отношению к героине. Таким образом, образ колдуньи в сказках двойки, как и образ матери-мачехи. В русских сказках Яга может в одних сюжетах помогать герою (ATU 432 «Финист ясный сокол»), а в других быть враждебной и даже противостоять герою (ATU 480А* «Гуси-лебеди»). В своем негативном отношении к героине и причинении ей вреда она будет сближаться с образом мачехи.

Отдельно хочется отметить корреляцию типов построения сюжетов с главной героиней – женщиной, в зависимости от количества и качества архетипов. Довольно редко встречающееся в русской волшебной сказке наличие описанных четырех женских персонажей находим в сюжетах ATU 480 В «Василиса Прекрасная» и ATU 511 «Хаврошечка». В других типах сюжета мать отсутствует или кратко упоминается в начале ее смерть (ATU 510 А «Золушка», ATU 709 «Белоснежка»). В этом случае будет также развиваться конфликт мачехи и падчерицы или жены-ведьмы и сестры мужа, вытекающий из конфликта жен (ATU 706 «Безручка»).

Если в сюжете два женских персонажа, то разворачивается сюжет типа ATU 315 «Неверная жена/сестра (Звериное молоко)». В этом случае в конфликт вступает муж и жена (или брат с сестрой). Мужу помогает достойная по качествам и поведению девушка, которая впоследствии и становится его женой. Если достойной девушки, помогающей мужу и разоблачающей жену, нет, то в сюжете реализуется только конфликт мужа и жены. В этом случае женский персонаж будет один – неверная жена. В данных типах сюжетов неверная жена будет стоять на полюсе «старый», «чужой», а девушка-помощница на полюсе «молодой», «свой».

Сказка не уделяет большого внимания архетипическим образам, расположенным на полюсе «молодой, чужой». Здесь, вероятнее всего, будут находиться дочери мачехи, участвующие в конфликте мачеха/падчерица (ATU 510 А «Золушка»), и завистливая служанка, которая обманом выходит замуж за царевича, меняясь местами с принцессой (ATU 533 «Подменная невеста»). Здесь же будут и завистливые сестры, которые мешают встречам героини с возлюбленным и ра-

нут его (ATU 432 «Финист ясный сокол»). Если они родные, то должны быть на полюсе «свой», но они вредят героине, что в пространстве сказки делает их чужими по отношению к ней.

Возвращаясь к описанной К. Г. Юнгом женской архетипической триаде, отметим, что в ней не хватает мачехи, потому что Деметра – мать, Кора/Персефона – дочь, Геката – покровительница из иного мира, Яга. Однако образ Деметры сочетает в себе аспекты и матери, и мачехи, так как мачеха – это негативный аспект матери. Здесь уместно вспомнить вариант сказки «Белоснежка» (ATU 709) в самой первой редакции сборника братьев Гримм (1812) [21], где указано, что именно стареющая мать возненавидела родную дочь за ее красоту. Кроме того, известно, что сюжеты о мачехе и падчерице вышли из сюжетов о конфликте жен [22, с. 74].

Следовательно, названия архетипических образов, предложенные нами, достаточно условны, так как мать и мачеха – это архетипические паттерны поведения двух конфликтующих женщин, всегда разнесенных по вектору «свой/чужой» и иногда еще и по вектору возраста «молодой/старый». Поскольку сказка всегда на стороне обездоленного, то «своим» будет считаться угнетаемый. «Обездоленной падчерице помогают фантастические силы ее собственного материнского рода в <...> различных вариантах (тотемное животное; мать, превращенная в тотемное животное; дух покойной матери; духи – покровители материнского рода и т. п.) Результат помощи чудесных сил – месть мачехе и чудесное замужество. Брак, как известно, занимает очень важное место в сказке. Он означает соприкосновение с другим родом, требующее поддержки со стороны материнского рода. Помощь падчерице материнского рода как силы фантастической оказывается сильнее реальной помощи мачехи своим детям» [23, с. 186].

В продолжение данной темы интересно использование традиционных архетипических образов в современной популярной культуре, где происходит замена персонажей, в том числе и известных сказочных сюжетов, в рамках вектора «свой/чужой». В этом случае мы имеем дело с произведениями, где повествование строится таким образом, что читатель сочувствует мачехе или ее дочери, а персонаж, ранее угнетенный в сказке, теперь маркируется нейтрально или негативно. Примером подобного текста-перевертыша может служить книга «Чудовище» М. Покусаевой [24], где мачеха пытается бороться с потусторонним злом в лице падчерицы. В романе Д. У. Джонс «Ходячий замок» [25] мачеха представлена как объективно заботящаяся о двух

падчерицах, которые на всем протяжении романа состоят с ее родной дочерью в хороших отношениях. В кинематографе также происходит переворачивание традиционных архетипов. Так, в фильме «Малефисента» (2014) злая колдунья оказывается злой из-за предательства возлюбленного и при этом заботится о его дочери – Спящей красавице. В современном фильме «Золушка» (2024) мачеха подвергает свою дочь ужасным и мучительным физиологическим изменениям в погоне за ее красотой, которая должна будет привести девушку к браку с принцем. Однако принц выбирает красавицу-падчерицу. Отличие от традиционного сказочного сюжета также в том, что падчерица заботится о сводной сестре и они обе уходят, оставив злую мачеху в одиночестве.

Итак, описанные выше четыре архетипических образа могут дать понимание глубинных корней социального и семейного устройства. Благодаря данным архетипам, лежащим в основе культуры и отражающимся в сказочных персонажах, закладывается общечеловеческое усвоение базовых моделей и ценностей.

Поскольку у каждого архетипического образа есть свой устойчивый набор характеристик и поведенческих функций, то наличие того или иного набора архетипов в сюжете будет формировать структуру сюжета и моделировать динамику конфликта. Ввиду изложенного выше перед нами открываются перспективы исследования взаимодействия разных архетипических образов в рамках других сюжетов.

Традиционная сказка, как правило, на стороне «своего» героя, «чужой» обычно является врагом. Однако в современной культуре обнаруживается тенденция к переворачиванию традиционных сюжетов, что может говорить об интересе к расширению рамок взаимодействия персонажей в художественном пространстве и к исследованию точки зрения и позиции «чужого». С одной стороны, за этим может скрываться сочувствие ужасному, а с другой – это возможность пересмотреть общепринятые нормы и исследовать, так ли ужасна мачеха, как показывает сказка, а сочувствие падчерице обусловлено субъективной точкой зрения повествователя на излагаемый им конфликт. Также за этим переворачиванием может стоять установка на игру с читателем/зрителем, который ожидает классического развития сюжета, но не получает его.

Список сокращений

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979. 437 с.

ATU – Uther H.-J. The types of international folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson: in 3 vols. Helsinki, 2004, 662 p.

Список источников

1. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
2. Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.
3. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа 3-е изд., репринтное. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.
4. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Академический проект, 2017. 958 с.
5. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006. 572 с.
6. Кэмпбелл Дж. Богини: тайны женской божественной сущности. СПб.: Питер, 2016. 448 с.
7. Болен Д. Ш. Богини в каждой женщине: новая психология женщины. Архетипы богинь. М.: София, 2005. 265 с.
8. Пирсон К. Пробуждение внутреннего героя: 12 архетипов, которые помогут раскрыть свою личность и найти путь. М.: МИФ, 2024. 476 с.
9. Pearson. C. The Female Hero in American and British Literature. New York & London: R. R. Bowker Company, 1981. 352 p.
10. Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б., Дмитриева Н. В. Архетипы современной женщины // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 1 (44). С. 267–270.
11. Мердок М. Путешествие героини. М.: Клуб Касталия, 2018. 240 с.
12. Эстес К. П. Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказаниях. М.: София, 2017. 448 с.
13. Петришин Д. В., Паранук К. Н. Инициация как сакральный элемент художественной структуры русских волшебных сказок // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 2 (217). С. 178–184.
14. Погодина С. И. Образ куклы в латышских и русских традиционных фольклорных текстах: аспект ритуальных практик // Слово.ру: Балтийский акцент. 2013. № 1. С. 83–94.
15. Серостанова О. Б. Символические формы конструирования реальности в русских народных сказках // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 4 (28). С. 23–30.
16. Худзиньска-Паркосадзе А. Парадигма инициации в сказке "Василиса Прекрасная" // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. № 1. С. 99–115.
17. Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 333 с.
18. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2021. 1087 с.
19. Випулис И. В. Инициация в художественной культуре: современные подходы к исследованию //

Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 4 (108). С. 65–70.

20. Смирнов-Кутаческий А. М. Народные сказки о мачехе и падчерице. М., 1944. 198 с.

21. Гримм В., Гримм Я. Полное собрание сказок. М.: Олма-пресс, 2002. Т. 1. 77 с.

22. Бадестова А. В., Попова Н. О. Культурологический анализ персонажей немецкой волшебной сказки «Белоснежка» и «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина // Вестник ЯГУ. 2007. Т. 4. № 3. С. 72–76.

23. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: Происхождение образа. М., СПб: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 240 с.

24. Покусаева М. Чудовище. М.: МИФ, 2025. 107 с.

25. Джонс Д. У. Ходячий замок. М.: Азбука, 2021. 448 с.

References

1. Yung, C. G. (1996). *Dusha i mif: shest' arkhetyпов* [Soul and Myth: Six Archetypes]. 384 p. Kiev, Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshstva. (In Russian)

2. Yung, C. G. (2010). *Ocherki po psikhologii bessoznatelnogo* [Essays on the Psychology of the Unconscious]. 352 p. Moscow, Kogito-Tsentr. (In Russian)

3. Meletinskii, E. M. (2000). *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. 407 p. Moscow, Vostochnaya Literatura. (In Russian)

4. Frazer, J. G. (2017). *Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A Study of Magic and Religion]. 958 p. Moscow, Akademicheskii proekt. (In Russian)

5. Gimbutas, M. (2006). *Tsivilizatsiya Velikoi Bogini: mir Drevnei Evropy* [The Civilization of the Goddess: The World of Old Europe]. 572 p. Moscow, ROSSPEN. (In Russian)

6. Kempbell, J. (2016). *Bogini: tainy zhenskoi bozhestvennoi sushchnosti* [Goddesses: Mysteries of the Feminine Divine]. 448 p. St. Petersburg, Piter. (In Russian)

7. Bolen, J. Sh. (2005). *Bogini v kazhdoi zhenshchine: novaya psikhologiya zhenshchiny. Arkhetipy bogin'* [The Goddess in Every Woman: The New Psychology of a Woman. Archetypes of Goddesses]. 265 p. Moscow, Sofiya. (In Russian)

8. Pearson, K. (2024). *Probuzhdenie vnutrennego geroya: 12 arkhetyпов, kotorye pomogut raskryt' svoju lichnost' i naiti put'* [Awakening the Heroes Within: Twelve Archetypes to Help Us Find Ourselves and Transform Our World]. 476 p. Moscow, MIF. (In Russian)

9. Pearson, C. (1981). *The Female Hero in American and British Literature*. 352 p. New York & London, R. R. Bowker Company. (In English)

10. Perevozkina, Yu. M., Perevozkin, S. B., Dmitrieva, N. V. (2014). *Arkhetipy sovremennoi zhenshchiny* [Archetypes of a Modern Woman]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 1 (44), pp. 267–270. (In Russian)

11. Merdok, M. (2018). *Puteshestvie geroini* [The Heroine's Journey: Woman's Quest for Wholeness]. 240 p. Moscow, Klub Kastaliya. (In Russian)

12. Estes, C. P. (2017). *Begushchaya s volkami: Zhenskii arkhetyп v mifakh i skazaniyakh* [Women Who Run with the Wolves: Myths and Stories of the Wild Woman Archetype]. 448 p. Moscow, Sofiya. (In Russian)

13. Petrishin, D. V., Parasuk, K. N. (2018). *Initsiatsiya kak sakral'nyi element khudozhestvennoi struktury russkikh volshebnykh skazok* [Initiation as a Sacred Element of the Artistic Structure of Russian Fairy Tales]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series 2: Filologiya i iskusstvovedenie. No. 2 (217), pp. 178–184. (In Russian)

14. Pogodina, S. I. (2013). *Obraz kukly v latyshskikh i russkikh traditsionnykh fol'klornykh tekstakh: aspekt ritual'nykh praktik* [The Image of a Doll in Latvian and Russian Traditional Folklore Texts: An Aspect of Ritual Practices]. *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent*. No. 1, pp. 83–94. (In Russian)

15. Serostanova, O. B. (2020). *Simvolicheskie formy konstruirovaniya real'nosti v russkikh narodnykh skazkakh* [Symbolic Forms of Constructing Reality in Russian Folk Tales]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. No. 4 (28), pp. 23–30. (In Russian)

16. Khudzin'ska-Parkosadze, A. (2019). *Paradigma initsiatsii v skazke "Vasilisa Prekrasnaya"* [The Paradigm of Initiation in the Fairy Tale "Vasilisa the Beautiful"]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. Vol. 51. No. 1, pp. 99–115. (In Russian)

17. Propp, V. Ya. (2000). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of the Wonder Tale]. 333 p. Moscow, Labirint. (In Russian)

18. Afanasev, A. N. (2021). *Narodnye russkie skazki. Polnoe izdanie v odnom tome* [Folk Russian Tales. Full Edition in One Volume]. 1087 p. Moscow, ALFA-KNIGA. (In Russian)

19. Vipulis, I. V. (2022). *Initsiatsiya v khudozhestvennoi kul'ture: sovremennye podkhody k issledovaniyu* [Initiation in Artistic Culture: Modern Approaches to Research]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 4 (108), pp. 65–70. (In Russian)

20. Smirnov-Kutacheskii, A. M. (1944). *Narodnye skazki o mачekhe i padcheritse* [Folk Tales about the Stepmother and the Stepdaughter]. 198 p. Moscow. (In Russian)

21. Grimm, V., Grimm, Ya. (2002). *Polnoe sobranie skazok* [Complete Collection of Fairy Tales]. Vol. 1. 77 p. Moscow, Olma-press. (In Russian)

22. Badestova, A. V., Popova, N. O. (2007). *Kul'turologicheskii analiz personazhei nemetskoj volshebnoi skazki "Belosnezhka" i "Skazki o mertvoi tsarevne i o semi bogatyryakh" A. S. Pushkina* [Cultural Analysis of the Characters from the German Fairy Tale "Snow White" and "The Tale of the Dead Princess and the Seven Knights" by A. S. Pushkin]. *Vestnik YaGU*. Vol. 4. No. 3, pp. 72–76. (In Russian)

23. Meletinskii, E. M. (2005). *Geroi volshebnoi skazki: Proiskhozhdenie obraza* [The Hero of a Fairy Tale: The Origin of the Image]. 240 p. Moscow, St. Pe-

tersburg, Akademiya Issledovaniy Kul'tury, Traditsiya. (In Russian)

24. Pokusaeva, M. (2025). *Chudovishche* [The Monster]. 107 p. Moscow, MIF. (In Russian)

25. Jones, D. W. (2021). *Khodyachii zamok* [Howl's Moving Castle]. 448 p. Moscow, Azbuka. (In Russian)

The article was submitted on 03.09.2025
Поступила в редакцию 03.09.2025

Зайцева Ирина Витальевна,
аспирант,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
for_irina.97@mail.ru

Zaitseva Irina Vitalevna,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
for_irina.97@mail.ru